

Православные эстонцы в Петербургской губернии: судьба диаспоры в автохтонном окружении*

Константин Костромин

Санкт-Петербургская духовная академия,
Санкт-Петербург, Россия

Orthodox Estonians in St Petersburg Province: The Fate of the Diaspora in an Autochthonous Environment

Konstantin Kostromin

St Petersburg Theological Academy,
St Petersburg, Russia

During the pre-revolutionary decades, the Estonian diaspora was one of the most active in St Petersburg, however, it remains little-studied to this day. An intensive study of the history of Estonian churches in St Petersburg province and the Estonian deanery of the St Petersburg diocese make it possible to raise the question of an organised Orthodox Estonian diaspora that did not merge with the Lutheran one. This article formulates the reasons for introducing this phenomenon into scholarly circulation and characterises its distinctive features. The author refers to documents from the Central State Historical Archive of St Petersburg (primarily, reports from the dean of Estonian district), as well as articles and materials from the first All-Russian population census. The active development of the issue studied by some historians in recent years speaks of its relevance. The article provides an overview of the historical situation, identifies the problems that characterised the life of Estonian migrants in St Petersburg and the province, and describes the contribution to the solution of the problem by Archpriest Pavel Kuhlbusch, senior priest of the Estonian church in the capital and dean of the Estonian parishes of the diocese. Additionally, the author carries out a detailed analysis of the theological aspect of the diaspora's existence and missionary and educational work inside it. The threat of nationalism caused by the language barrier with the locals, the linguistic community with a Lutheran majority, and the incomprehensibility of the

* *Citation:* Kostromin, K. (2024). Orthodox Estonians in St Petersburg Province: The Fate of the Diaspora in an Autochthonous Environment. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 146–159. DOI 10.15826/qr.2024.1.870.

Цитирование: *Kostromin K.* Orthodox Estonians in St Petersburg Province: The Fate of the Diaspora in an Autochthonous Environment // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 146–159. DOI 10.15826/qr.2024.1.870 / *Костромин К.* Православные эстонцы в Петербургской губернии: судьба диаспоры в автохтонном окружении // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 146–159. DOI 10.15826/qr.2024.1.870.

Church Slavonic language for foreigners was the breeding ground of the Estonian diaspora as a whole and led the Orthodox Estonian diaspora to a crisis at the time of the collapse of the Russian Empire. The atheism of Bolshevik ideology finally terminated its life in the 1930s. However, the panhellenism of the Patriarchate of Constantinople, which replaced the multiculturalism of the Russian Empire, also failed to contribute to the development of Orthodoxy among Estonians. The efforts Pavel Kuhlbusch made for many years led to an increase in the number of Orthodox Estonians, whose literacy and enlightenment also increased significantly, but his departure to Estonia for episcopal service and death in 1919 had a disastrous effect on the future fate of the Estonian Orthodox diaspora.

Keywords: Estonian diaspora, Christian orthodoxy, St Petersburg Province, St Petersburg eparchy, deanery, Pavel Kuhlbusch, Platon of Revel

Эстонская диаспора в предреволюционные десятилетия, будучи одной из самых активных в Петербурге в конце XIX – начале XX в., до сих пор исследована недостаточно. Активное изучение истории эстонских храмов Петербургской губернии, эстонского благочиния Петербургской епархии позволило поставить вопрос о существовании православной эстонской диаспоры, не сливавшейся с аналогичной лютеранской. В статье формулируются обоснования для введения этого явления в научный оборот и определяются его характерные особенности. Основными источниками послужили документы ЦГИА СПб (прежде всего отчеты благочинного эстонского округа), медиаресурсы и материалы I Всероссийской переписи населения. Обращение к проблеме ряда исследователей в последние годы свидетельствует о ее актуальности. Представлен обзор исторической ситуации, выявлены проблемы, которыми характеризовалась жизнь эстонских мигрантов в Петербурге и окрестностях, описан вклад в решение проблемы протоиерея Павла Кульбуша, настоятеля эстонского храма столицы и благочинного эстонских приходов епархии. Подвергнуты детальному анализу богословский аспект существования диаспоры, миссионерская и просветительская работа внутри нее. Угроза национализма, который основывался на проблеме языкового барьера с местным населением, на языковой общности с лютеранским большинством и малопонятности церковнославянского языка, привела православную эстонскую диаспору к кризису в момент крушения Российской империи, а атеизм большевистской идеологии окончательно заглушил ее жизнь в 1930-е гг. При этом панэллинизм Константинопольской патриархии, пришедший на смену мультикультурализму Российской империи, также не способствовал развитию православия среди эстонцев. Усилия протоиерея П. Кульбуша долгие годы приводили к увеличению числа православных эстонцев, грамотность и просвещенность которых также значительно возросли, его отъезд в Эстонию на епископское служение и гибель в 1919 г. привели к фактическому исчезновению эстонской православной диаспоры в этом регионе.

Ключевые слова: эстонская диаспора, православие, Петербургская епархия, благочиние, Павел Кульбуш, Платон Ревельский

В православном мире проблема диаспоры приобрела особое звучание сразу после Первой мировой войны, когда к вопросу расселения этнорелигиозных групп вне домашнего региона в иноэтническом окружении добавился церковно-правовой элемент, затрудняющий юрисдикционное определение этноконфессиональной диаспоры. Истоки проблемы лежат в процессах конца XIX в., когда в Европе, а затем в обеих Америках стали появляться этнические группы, принадлежавшие одной конфессии, получавшие возможность создавать религиозные общины. Сложности возникали в связи с обострением этнического фактора при вхождении в полиэтнические религиозные объединения. При этом этнофилетизм, предпочтение этнического своеобразия религиозному универсализму, был осужден еще в 1872 г. в связи с болгарской схизмой в Константинопольском патриархате [Цыпин, с. 626–627]. Решить сходную с этнофилетизмом проблему в диаспоре не удалось, да и схизма 1872 г. была преодолена через признание легитимности национальной Болгарской церкви после Второй мировой войны [Шкаровский, 2017, с. 84–95]. Последняя оговорка важна, так как все национальные процессы в православных церквях проходили под впечатлением от осуждения Болгарской церкви и оказывали сдерживающее влияние на распространение православия.

Сложную проблему представляет собой история эстонской диаспоры в Петербурге и Петербургской губернии в XIX – начале XX в. Важную роль здесь играл этнорелигиозный фактор, который в научной литературе недооценивается, в том числе в силу инерции. Национальный признак во время Всеобщей переписи населения 1897 г. маркировался по родному языку. Если в Петербурге количество эстонцев составляло около 1 % населения города (без учета мигрантов) – 12,5 тыс. чел. (с мигрантами – до 20 тыс. чел.), то в губернии – 3 % (65 тыс. крестьян-эстонцев) [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., вып. 37а, с. 52–55; вып. 37б, с. 9–95]. В то же время в Эстляндии по данным той же переписи русские составляли около 5 % (21 тыс. чел.), и немцы – чуть больше 4 % (16 тыс.) [Там же, вып. 49, с. 42–43]. Соседство регионов играло важную роль в постоянной миграции населения, которая учету не поддавалась. С этим связаны как разброс цифр статистики, так и постоянно наблюдавшийся рост. Для сравнения: численность финского населения в Петербурге в последнее десятилетие XX в. даже сократилась и была почти на четверть ниже эстонского [Мусаев, 2009, с. 37–44].

При этом социальный статус эстонца в Петербургской губернии был несопоставим со статусом немца или русского в Эстляндии. Там коренное эстонское население было заметно ущемлено в правах и эстонское образование было только начато. Немецкое население имело ряд привилегий, обусловленных особым положением в столице остзейских немцев, которое мало изменилось с 1860-х гг. к началу XX в. [Михайлова, с. 17, 20–22]. Постепенный перевод государственного делопроизводства и обучения в Дерптском университете с немец-

кого языка на русский после 1870 г. не сказался на лютеранских общинах, делопроизводство и богослужение в которых продолжали вестись на немецком языке, тем более что и пасторы были в значительной части немцами. Влияние немецких лютеранских общин на эстонские было чрезвычайно сильным и в Петербурге, хотя эстонское богослужение, проповедь и школы активно действовали с миссионерскими целями [Мусаев, 2022, с. 30–51]. Русское население в Эстляндии было очень неоднородным: это были и крестьяне, и рабочие, и чиновники. Государство пыталось содействовать укреплению их положения.

Процесс «эстонизации» лютеранской церкви в Петербургской губернии начался несколько ранее и шел интенсивнее аналогичного процесса в православной церкви в Эстляндии и Лифляндии. Предыстория его относится ко второй половине XVII – первой трети XVIII в., то есть к эпохе Шведского королевства Карла XII. В этот период на эстонский язык были переведены Библия и основные лютеранские гимны. После захвата Прибалтики Петром I произошел постепенный откат в пользу немецкого языка, а с середины XIX в. эстонский язык снова стал активно использоваться в среде эстонского лютеранского населения, причем вкупе с организацией школьного дела [см.: Põldvee; Saagprak]. В местах расселения эстонских крестьян было создано 17 общин-школ, «в коих регулярно совершаются служения приезжими пасторами, а в прочие воскресные дни молитвенные собрания устрояются учителями» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 7. Л. 89 об. (1901 г.)].

С середины 1860-х гг. многое делалось для того, чтобы в лютеранском эстонском богослужении наладить пение по классическому лютеранскому канону (немецкого происхождения) с целью создать у эстонцев ощущение принадлежности к европейским народам [Siitan, S. 24–28]. Таким образом, эстонский национализм оказался поставлен на службу делу европейской интеграции и сепаратизма в отношении России. Эту политику более аккуратно проводили пасторы в диаспоре. По современным подсчетам, в Петербургской губернии насчитывалось пять эстонских, пять немецко-финско-эстонских общин и одна финско-эстонская, а также 20 филиальных школ (в которых совершались богослужения), из которых четыре были смешанными. Если же учитывать, что в составе православного благочиния эстонских приходов были финский и латышский приходы, то число «конкурентов» в лютеранской среде вырастает как минимум вдвое, так как значительная часть лютеранских приходов Петербургской губернии были финскими [см. об этом: Деревнина, Князева, Соловьева].

Православные составляли незначительную часть от эстонского населения Петербургской губернии. Количественные данные очень разнятся. По официальной статистике, на 1900 г. православных эстонцев в Петербурге и его окрестностях (без учета крестьянского населения губернии) насчитывалось около 1 тыс. чел. [Мусаев, 2009, с. 46]. В литературе можно найти цифру в 2453 чел. на 1911 г. [Чижов, Алексеев,

с. 139]. Число православных жителей губернии никто не подсчитывал, однако если в городе каждый восьмой эстонец был православным, то количество православных эстонцев губернии едва ли могло быть меньше 5 тыс. чел. на 1900 г.

Главной проблемой как бытования православного эстонского населения в столичном регионе, так и его религиозного окормления был языковой барьер. Ментальное самоощущение эстоноговорящих православных должно было быть сложным. Диаспора оказывалась в ситуации, когда привилегированным населением являлось русское (не только как табельное, но и как подавляюще многочисленное, лишённое симпатии и сочувствия к эстонцам). Языковой барьер в такой ситуации даже усиливался, и преодолеть его последствия эстонцы могли двумя способами: 1) получать русское образование (хотя бы начальное) и учить русский язык; 2) создавать кусты плотного расселения, которое позволяло бы обойтись эстонским языком для общения внутри моноэтнической группы. Однако размещение диаспорой создавало ситуацию, близкую к той, которая сформировалась в Прибалтике: около 90% эстоноговорящих были лютеранами, и вдали от дома их влияние на уступавшую численно группу православных усиливалось. Переход же из православия в лютеранство до 1905 г. был сильно затруднен. Положение православных эстонцев как изгоев и в православном русском большинстве, и в лютеранском эстонском диаспоральном большинстве только усиливалось.

Изучение русского языка также не давало решения этнорелигиозной проблемы. Языковой барьер был почти непреодолим, так как богослужения на церковнославянском были малопонятны даже для тех, кто мог изъясняться по-русски. Правда, изучение русского языка интегрировало эстонцев в местный социум и делало их более податливыми для перехода в православие, что до 1905 г. давало ряд преимуществ, однако полностью проблему не решало. В отличие от православного верующего, эстонец-лютеранин, попадая в моноэтническую группу, не ощущал языковой проблемы, так как немецкие, финские и тем более эстонские пасторы часто говорили на эстонском или финском, что давало возможность коммуникации.

Сложившиеся условия не привязывали эстонцев, особенно православных, к петербургской земле, поощряя развитие миграционных процессов. Не будучи интегрированными в местное общество, в любой момент они были готовы вернуться на историческую родину или переехать в другой регион. Это ощущалось министерством внутренних дел как потенциальная социальная угроза, которая в перспективе могла перерасти в политическую проблему, прежде всего в столичном регионе. В самой Прибалтике политика русификации, касавшаяся преимущественно административного аппарата, системы образования и элиты (а к ней в большинстве случаев принадлежали немцы), в качестве одного из средств предполагала переход в «веру царя», то есть принятие православия [Brüggemann]. Поскольку руси-

фикация в меньшей степени коснулась эстонцев на родине, они могли практически так же чувствовать себя и в диаспоре.

В Прибалтике с 1840-х гг. постепенно обострялся религиозный вопрос, так как лютеранская немецкая элита все более препятствовала Рижской епархии в деле устроения православия. Тем не менее, в 1883–1887 гг. благодаря особо активной и продуманной деятельности Рижского епископа Доната (Соколова-Бабинского) количество переходов эстонцев в православие резко возросло [Гаврилин, с. 286–292]. Именно эти православные эстонцы составили костяк православной эстонской диаспоры в Петербургской губернии.

Такие условия создали благоприятную почву для появления эстонской православной организации, однако политика ее должна была учитывать сложную комбинацию вышеуказанных факторов. Наиболее острой была проблема языка: священник должен был уметь изъясняться по-эстонски и совершать богослужение на том же языке [Священномученик Платон, с. 208–212]. Однако стратегическое решение языковой проблемы оказалось двояким: оно предполагало создание системы эстонских приходов и обучение эстонцев русскому языку в целях их приобщения к русскоязычному социуму. Сочетание таких противоречивых инструментов в православной миссии среди эстонцев должно было способствовать закреплению православия в их среде. Фактически эстонский национализм и закрытость эстонских семей и общин при активной миграции из родного региона должны были стать факторами, закрепляющими среди эстонцев приверженность православию.

К концу 1880-х гг. столичная эстонская диаспора в религиозном отношении была организована лишь в лютеранской ее части: в Петербурге действовала эстонская лютеранская кирха Яани кирик, в Петербургской губернии кирхи и лютеранские школы активно строились. Православных эстонцев, которых было еще немного, никто не организовывал. Священник из Кронштадта отец Адам Симо ездил по окрестностям – Петербургу, Гатчине. Эстонский приход более или менее успешно функционировал только в Заянье, где служил эстонец Федор Кульдсар [Костромин, 2009, с. 55–62]. Однако ситуация быстро менялась: количество мигрантов из Эстляндии неуклонно росло. Процент православных оставался прежним, но они остро нуждались в организации. К подобной деятельности отец Адам был явно не готов.

Подходящей фигурой оказался Павел Кульбуш, закончивший в 1894 г. Санкт-Петербургскую духовную академию. Он не только оказался более способным организатором, но и смог подойти к решению проблемы комплексно, что подтверждается его отчетами перед епархиальным начальством. Его действия заключались в создании полноценного столичного прихода, объединении эстонских приходов губернии в одно этническое благочиние, формировании сети эстонских школ при православных приходах. Хотя силы православной церкви в отношении эстонцев были в разы слабее, чем возможности люте-

Протоиерей Павел Кульбуш. Фото 1910-х гг. Юбилейная фотовыставка, посвященная 100-летию основания Таллинской епархии и епископской хиротонии священномученика Платона Ревельского

Archpriest Pavel Kuhlbusch. Photograph. 1910s. Anniversary photo exhibition dedicated to the 100th anniversary of the founding of the Tallinn diocese and the episcopal consecration of the Hieromartyr Platon of Revel

ранской миссии, однако сеть приходов все равно была необходима. Помогало то, что эстонцы жили кучно, селясь группами с учетом конфессионального признака. Это позволило отцу Павлу определить, где именно желательно открыть эстонские приходы [Костромин, 2019с]¹. Крайне непростыми проблемами оказались выявление православных эстонцев среди жителей столицы и их организация [Костромин, 2019а]. Эта ситуация показала, что нужна была активная, требовавшая изобретательности работа с православными эстонцами диаспоры, чтобы православие среди них окрепло.

Миссионерская деятельность в эстонской диаспоре порождала целый ряд побочных проблем. В России действовало Православное миссионерское общество, которое, декларируя идею распространения православия среди народов России и зарубежья, занималось в основном поиском

средств для поддержки уже действующих миссий [см.: Тарасов], не все из которых были результативны. Просвещение эстонцев ввиду того, что Эстляндия и Лифляндия были территорией империи, относилось к категории внутренних миссий, деятельность которых к концу XIX в. сошла на нет. Вероятно, поэтому, изначально заявляя о своем миссионерском служении [см.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 280 (1900 г.); Оп. 95. Д. 31. Л. 314 (1903 г.)]², отец Павел Кульбуш не стал коммуницировать с миссионерскими организациями, переводя разговор с миссии на просветительство [см.: Там же. Оп. 92. Д. 13. Л. 280, 283, 288 (1900 г.); Оп. 93. Д. 7. Л. 89 (1901 г.); Оп. 115. Д. 936. Л. 1 (1904 г.)]³.

¹ Не удалось открыть приходы или школы в посаде Гвозно Гдовского уезда, в с. Медведья Лужского уезда [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 286], в с. Хмер Лужского уезда [Там же. Оп. 93. Д. 9. Л. 262], в д. Волосово Петергофского уезда [Там же. Оп. 102. Д. 36. Л. 30–30 об.].

² Больше в отчетах по благочинию миссионерский характер «православного эстонского дела» не упоминался.

³ В 1912 г. протоиерей П. Кульбуш писал о том, что отчеты о просветительской деятельности прихода являются частью отчетности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви [Ф. 19. Оп. 103. Д. 74. Л. 261]. См. об этом: [Костромин, 2019с].

Просвещение предусматривало организацию работы внутри уже имевшегося ядра православных эстонцев. Если миссионерство предполагало активное начало нации, проводившей миссионерскую деятельность, то просвещение исходило из противоположной посылки – активности просвещаемой нации. Поэтому в деятельности столичного эстонского прихода, а позднее и национального благочиния в диаспоре особую роль играла не работа с мигрантами-лютеранами по привлечению их в православие, а школьное дело [Костромин, 2023]. Можно обратить внимание на то, что из всех газетных публикаций священника (позднее – протоиерея) Павла Кульбуша более трети посвящено школьному делу, а миссионерству – ни одной [Священномученик Платон, с. 145–229]. Вероятно, это было причиной того, что Кульбуш пошел по пути создания наиболее крупного (из возможных в тот момент в Российской православной церкви) объединения – благочиния эстонских приходов, большая часть которых была создана или выделена из русских приходов усилиями молодого благочинного [Шкаровский, 2018; Костромин, 2019b].

Все это предполагало, что эстонская православная диаспора – по сути, уже сложившееся явление, которое могло, заявив о своем национализме более громко, потребовать создания национальной автокефальной (независимой) церкви. Это вызывало ассоциацию с попыткой болгар заявить о своей независимости, однако там осуждение этнофилетизма греческим Константинопольским патриархатом оказалось возможным, став инструментом противодействия болгарскому сепаратизму от вселенского патриархата при молчаливом бездействии российского Святейшего синода. В ситуации с эстонцами просвещенный православный национализм был «миной замедленного действия». Российская империя не была заинтересована в развитии национального движения, пусть и основанного на православной традиции, поэтому национализм зрел, ожидая удобного случая для своей реализации. Он дождался своего часа в 1917 г. с крушением монархии в России, в условиях мировой войны и неудач на фронте. Постановление Кульбуша, в монашестве получившего имя Платон, в епископы Ревельские было первой победой эстонского национализма. События 1919–1923 гг. имели результатом создание Эстонской апостольской православной церкви при участии Константинополя [Балашов, с. 245, 250–264].

Можно утверждать, что есть прямая связь между возгреванием национального чувства, формированием национальной общности, этноконфессиональное сознание которой в течение более чем 20 лет проходило активное становление не только в Эстляндии, но и в диаспоре, и созданием национальной церкви в независимой Эстонской Республике. Казалось бы, в этнофилетизме начала 1920-х гг. можно обвинить как эстонцев, стремившихся к независимости, так и сам Константинопольский патриархат, создавший эту национальную церковь, на что не мог решиться российский Святейший синод. Такое обвине-

ние можно было бы выдвинуть в адрес второго эстонского архиерея – архиепископа (впоследствии митрополита) Александра (Паулуса), который просил у греков автокефалии [Православие в Эстонии, с. 41, 46, 51, 55 и др.] и впоследствии заявлял, что получил ее. Сам же Константинопольский патриархат не хотел и не мог дать такой независимости не только и не столько потому, что сам подпал бы под свое же обвинение в этнофилетизме, сколько потому, что она была ему не нужна: томос патриарха Мелетия IV содержал очевидные пункты подчинения «независимой» эстонской церкви Вселенскому патриархату [Там же, с. 43–44]. И это была не только политическая позиция, но и вероучительное убеждение: вселенский патриарх имеет право на первенство в мировом православии, и потому все остальные церкви, кроме других членов пентархии (пяти исконных патриархатов), должны были быть подчинены Константинопольскому патриархату [Иоанн (Зизиулас), с. 5–6; *Konstantinoopoli Oikumeenilise Patriarhaadi*]⁴.

Об использовании национализма в глобалистских целях (в данном случае подчинения всего православия единому центру в Константинополе) писал в 1889 г. Константин Леонтьев. По его мнению, любое требование возрождения национальных основ малых этносов, находившихся под властью крупных империй, в конце концов есть освободительная борьба, и создание национальных государств на практике приводит не к торжеству национальных идей, веры и государственных устоев, культуры и быта, а к большему «однообразию как в самой объединенной среде, так и по отношению сходства с соседними государственными обществами», и как результат – «огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смешения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д.» [Леонтьев, с. 11, 13]. Таким образом, вопрос просвещения эстонской диаспоры в национально-православном духе вольно или невольно оказался соответствующим общим тенденциям как в глобальном переустройстве мира 1910–1920-х гг., так и в изменениях православного мира с падением сильнейшей поместной Российской церкви, восстановлением грекоцентризма и претензий Вселенской патриархии на господство и на изменение ее национальной политики.

Именно в этом ключе все время существования православной эстонской диаспоры Российской империи шел спор о национализме как в философско-академической среде и политических партиях, общественных движениях и прессе, так и внутри православной церкви [Православная Церковь]. Если общественное и академическое обсуждение этой проблематики едва ли касалось православных эстонцев, то духовенство не могло не замечать религиозной полемики вокруг национального вопроса. Не последнюю роль в ней играли сторонни-

⁴ Последняя из приведенных здесь статей наиболее характерна тем, что выпущена в Эстонии на английском языке и в эстонско-русской билингве, но только на эстонском языке, без перевода на русский. В ней детально описывается экклезиологическое устройство глазами Константинопольского патриархата.

ки отождествления русскости (речь идет о носителях русского языка) и православия, а также сторонники национального патриотизма. Среди многочисленных авторов можно выделить мнение Н. Н. Глубоковского, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, который одним из первых определил источником проблемы панэллинизм. Сказанное им в 1914 г. сбылось менее чем через десятилетие спустя [Там же, с. 15–17, 22–23, 37–38].

Православная эстонская диаспора в столице начала приходить в упадок к 1917 г. Ключевым событием в изменении динамики развития эстонского православия стало предложение протоиерею П. Кульбушу стать первым национальным эстонским архиереем. После его отъезда благочиние практически перестало существовать. В декабре 1917 г. в столичном эстонском храме произошел серьезный инцидент: приход фактически разделился на русскую и эстонскую части, и между ними вспыхнул конфликт, касавшийся вопроса о назначении настоятеля и изменении состава причта. Петроградский митрополит Вениамин (Казанский) смог потушить конфликт, запретив подобные сепаратистские инициативы. Однако опасения, высказанные эстонцами в ходе конфликта, в той или иной степени подтвердились: «в недалеком будущем при неизмеримо большем числе по сравнению с эстонцами русских прихожан произойдет потеря эстонского облика в жизни прихода, а для них очень важно, особенно вдали от родины, сохранить свой религиозный центр с национальным характером, ибо нигде так сильно не чувствуется связь религии с национальным самосознанием, как на чужбине» [ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 619. Л. 3]. Последние выборы благочинного прошли в январе 1918 г. [Там же. Л. 1–2], однако никаких последствий они не возымели. Присутствие эстонцев в приходе становилось все менее и менее заметным. Последний «вдох» эстонской православной диаспоры зафиксирован в 1934 г., когда приход вместе с настоятелем протоиереем Александром Пакляром перешел из закрытой эстонской Свято-Исидоровской церкви в Никольский Морской собор г. Ленинграда [см.: Карпук, с. 121]. К этому времени по понятным причинам никакой связи между националистической Эстонской апостольской православной церковью в Эстонской Республике и остатками эстонской православной диаспоры на северо-западе СССР не было и быть не могло.

Библиографические ссылки

Балашов Н., прот. Автономия Эстонской Православной Церкви: страницы истории // Эстонская Православная Церковь: 100 лет автономии : [сб. материалов одноименной конф. (Таллинн, 26–27 нояб. 2020 г.) / ред. прот. И. Прекуп. Таллинн : [Б. и.], 2021. С. 244–265.

Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига : Филокалия, 1999. 368 с.

Деревнина Е. А., Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы на северо-западе России XVIII–XX вв. : ист. справ. СПб. : Аврора, 2021. 352 с.

Иоанн (Зизиулас), митр. Первенство и национализм // Религия и национализм / под ред. А. Бодрова и М. Толстолуженко. М. : Изд-во ББИ, 2021. С. 1–10.

Карпук Д. А. Николо-Богоявленский Морской собор: история и люди. СПб. : Тип. «НП-Принт», 2018. 272 с.

Костромин К. А. Свято-Исидоровская церковь сегодня и сто лет назад // Коломенские чтения – 2008. Альманах № 3 / под ред. В. В. Антонова. СПб. : Арденн, 2009. С. 51–66.

Костромин К., прот. Особенности эстонского православного самосознания в начале XX века (к 100-летию мученического подвига священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского) // Христианское чтение. 2019а. № 1. С. 180–190. DOI 10.24411/1814-5574-2019-10017.

Костромин К., прот. Священномученик Платон (Кульбуш), епископ Ревельский, и православные братства Петербурга // Нива Господня. Вестн. Пензенской духовной семинарии. 2019б. № 2 (12). С. 28–33.

Костромин К. А. Эстонское благочиние Санкт-Петербургской епархии // Петерб. ист. журн. 2019с. № 4 (24). С. 196–209. DOI 10.24411/2311–603X-2019–00080.

Костромин К., прот. Эстонские церковно-приходские школы Петербургской епархии // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 270–282. DOI 10.47132/1814-5574-2023-2-270.

Леонтьев К. Национальная политика как орудие всемирной революции. М. : Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889. 48 с.

Михайлова Ю. Л. «Балтийский вопрос с правительственной точки зрения»: П. А. Валуев и его роль в управлении Прибалтийским краем в 1860-е годы // Россия и Балтия. Вып. 4. Человек в истории. М. : Наука, 2006. С. 16–28.

Мусаев В. И. Эстонская диаспора на северо-западе России во второй половине XIX – первой половине XX в. СПб. : Нестор, 2009. 212 с.

Мусаев В. И. Иноконфессиональные христианские общины на Северо-Западе России в 1900–1930-е гг. СПб. : Политех-пресс, 2022. 524 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : [в 89 т., в 119 кн.] / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. [СПб.] : Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1897–1905. [Вып.] 37а. Город С.-Петербург. Тетр. 2 и последняя. XXXII, 261, [4] с. [Вып.] 37б. С.-Петербургская губерния. [4], XX, 265 с. [Вып.] 49. Эстляндская губерния. XVIII, 125 с.

Православие в Эстонии : в 2 т. / ред. прот. Н. Балашов, С. Л. Кравец. М. : Правосл. энцикл., 2010. Т. 2. Документы. 656 с.

Православная Церковь и русский национализм: вторая половина XIX – начало XX века / под ред. А. А. Иванова. СПб. : Владимир Даль, 2021. 800 с.

Священномученик Платон, епископ Ревельский. Вся жизнь и один год : в 2 кн. Tallinn : Правосл. изд. о-во священномученика Исидора Юрьевского, 2023. Кн. 1. Наш Кульбуш. 607 с.

Тарасов М. А. «Финансирование миссионерства в руках общественности». Почему Святейший Синод передал Православному Миссионерскому Обществу свои обязанности? // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 1. С. 186–189.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13; Оп. 93. Д. 7, 9; Оп. 95. Д. 31; Оп. 102. Д. 36; Оп. 103. Д. 74; Оп. 115. Д. 936; Оп. 120. Д. 619.

Цытин В., прот. Диаспора // Православная энциклопедия. М. : Правосл. энцикл., 2006. Т. 14. С. 626–628.

Чижов А., диак., Алексеев А. А. Русско-эстонский Исидоровский приход в Петербурге – Петрограде – Ленинграде // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л. : Ленингр. митрополия, 1989. С. 133–142.

Шкаровский М. В. Русская и Болгарская Православные Церкви в первой половине XX века (история взаимоотношений). СПб. : Изд-во СПбПДА, 2017. 248 с.

Шкаровский М. В. Эстонские православные приходы в Санкт-Петербургской епархии // Православие в Балтии. 2018. № 7 (16). С. 57–72.

Brüggemann K. Als Land und Leute "russisch" werden sollten. Zum Verständnis des Phänomens der "Russifizierung" am Beispiel der Ostseeprovinzen der Zarenreichs // Kampf um Wort und Schrift. Russifizierung in Osteuropa im 19.–20. Jahrhundert / Hrsg. von Z. Gasimov. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. S. 27–49.

Konstantinoopoli Oikumeenilise Patriarhaadi jurisdiktiooni rakendamise erinevad kanoonilised modaalsused // Grigorios (Papathomas), arhim. Õnnetus olla väike kirik väikesel maal. Teoloogiline tõde Eesti Õigeusu Kiriku kohta = Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Tallinn : Tallinna Püha Platoni Õigeusu teoloogia seminar, 2007. Lk. 99–138.

Põldvee A. Wenneküllä Hans and Estonian Church Language // Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. 2012. № 3 (3–1). P. 259–278. DOI 10.12697/jeful.2012.3.1.13.

Saagpakk M. Sprache steht zur Debatte – Diskussionen um die Zukunft der estnischen Sprache um die Mitte des 19. Jahrhunderts // Das Baltikum als gelehrtes und literarisches Konstrukt: von einer Kolonialwahrnehmung zu einem nationalen Diskurs (18.–19. Jahrhundert) / Hrsg. von A. Sommerlat. Würzburg : Königshausen und Neumann, 2015. S. 97–113.

Siitan T. Der deutschbaltische und der estnische Kulturraum im Estland und Livland der zweiten Hälfte der 19. Jahrhunderts: Gesangsvereine und Identitätsbildung // Musikleben des 19. Jahrhunderts im nördlichen Europa: Strukturen und Prozesse / Hrsg. von T. Siitan, K. Pappel, A. Sõõro. Hildesheim ; Zürich ; N. Y. : Georg Olms Verlag, 2010. S. 13–35.

References

Balashov, N., archpriest. (2021). Avtonomiya Estonskoi Pravoslavnoi Tserkvi: stranitsy istorii [Autonomy of the Estonian Orthodox Church: Pages of History]. In Prekup, I., archpriest. (Ed.). *Estonskaya Pravoslavnaya Tserkov': 100 let avtonomii. Sbornik materialov odnoimennoi konferentsii (Tallinn, 26–27 noyabrya 2020 g.)*. Tallinn, S. n., pp. 244–265.

Balashov, N., Kravets, S. L. (Eds.). (2010). *Pravoslavie v Estonii v 2 t.* [Orthodoxy in Estonia. 2 Vols.]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 2. Dokumenty. 656 p.

Brüggemann, K. (2012). Als Land und Leute "russisch" werden sollten. Zum Verständnis des Phänomens der "Russifizierung" am Beispiel der Ostseeprovinzen der Zarenreichs. In Gasimov, Z. (Hrsg.). *Kampf um Wort und Schrift. Russifizierung in Osteuropa im 19.–20. Jahrhundert*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, S. 27–49.

Chizhov, A., Alekseev, A. A. (1989). Russko-estonskii Isidorovskii prihod v Peterburge – Petrograde – Leningrade [Russian-Estonian Isidore Parish in St Petersburg – Petrograd – Leningrad]. In *Iz istorii pravoslaviya k severu i zapadu ot Velikogo Novgoroda*. Leningrad, Leningradskaya mitropoliya, pp. 133–142.

Derevnina, E. A., Knyazeva, E. E., Solov'eva, G. F. (2021). *Lyuteranskii tserkvi i prihody na severo-zapade Rossii XVIII–XX vv. Istoricheskiy spravochnik* [Lutheran Churches and Parishes in the North-West of Russia in the 18th–20th Centuries. Historical Reference Book]. St Petersburg, Avrora. 352 p.

Gavrilin, A. V. (1999). *Ocherki istorii Rzhskoi eparkhii. 19 vek* [Essays on the History of the Riga Diocese. 19th Century]. Riga, Philokalia. 368 p.

Ivanov, A. A. (Ed.). (2021). *Pravoslavnaya Tserkov' i russkii natsionalizm: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [The Orthodox Church and Russian Nationalism: The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Vladimir Dal'. 800 p.

John Zizioulas, metropolitan. (2021). Pervenstvo i natsionalizm [Primacy and Nationalism]. In Bodrov, A., Tolstoluzhenko, M. (Eds.). *Religiya i natsionalizm*. Moscow, Izdatel'stvo Bibleiskogo bogoslovskogo instituta, pp. 1–10.

Karpuk, D. A. (2018). *Nikolo-Bogoyavlenskii Morskoi sobor: istoriya i lyudi* [St Nicholas Naval Cathedral: History and Personalities]. St Petersburg, Tipografiya "NP-Print". 272 p.

Konstantinoopoli Oikumeenilise Patriarhaadi jurisdiktiooni rakendamise erinevad kanoonilised modaalsused. In Grigorios Papathomas, archimandrite. (2007). *Õnnetus olla*

väike kirik väikesel maal. Teoloogiline tõde Eesti Õigeusu Kiriku kohta. Tallinn, Tallinna Püha Platoni Õigeusu teoloogia seminar, pp. 99–138.

Kostromin, K., archpriest. (2019a). Osobennosti estonskogo pravoslavnogo samosoznaniya v nachale XX veka (k 100-letiyu muchenicheskogo podviga svyashchennomuchenika Platona (Kul'busha), episkopa Revel'skogo) [Features of the Estonian Orthodox Self-Consciousness in the Early 20th Century (on the 100th Anniversary of the Martyrdom of Martyr Platon (Kuhlbusch), Bishop of Revel)]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 1, pp. 180–190. DOI 10.24411/1814-5574-2019-10017.

Kostromin, K., archpriest. (2019b). Svyashchennomuchenik Platon (Kul'bush), episkop Revel'skii, i pravoslavnye bratstva Peterburga [Martyr Platon (Kuhlbusch), Bishop of Revel, and the Orthodox Brotherhoods of St Petersburg]. In *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi dukhovnoi seminarii*. No. 2 (12), pp. 28–33.

Kostromin, K., archpriest. (2023). Estonskie tserkovno-prikhodskie shkoly Peterburgskoi eparkhii [Estonian Parochial Schools in the St Petersburg Diocese]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 2, pp. 270–282. DOI 10.47132/1814-5574-2023-2-270.

Kostromin, K. A. (2009). Svyato-Isidorovskaya tserkov' segodnya i sto let nazad [The Saint Isidore Church Today and a Hundred Years Ago]. In Antonov, V. V. (Ed.). *Kolomenskie chteniya – 2008*. Anthology 3. St Petersburg, Ardenn, pp. 51–66.

Kostromin, K. A. (2019c). Estonskoe blagochinie Sankt-Peterburgskoi eparkhii [Estonian Deanery of the St Petersburg Diocese]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 4 (24), pp. 196–209. DOI 10.24411/2311-603X-2019-00080.

Leont'ev, K. (1889). *Natsional'naya politika kak orudie vsimirnoi revolyutsii* [National Politics as a Tool of the World Revolution]. Moscow, Tipolitografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Co. 48 p.

Mikhailova, Yu. L. (2006). “Baltiiskii vopros s pravitel'svennoi tochki zreniya”: P. A. Valuev i ego rol' v upravlenii Pribaltiiskim kraem v 1860-e gody [The “Baltic Question as Regarded by the Government”: P. A. Valuev and His Role in the Control on the Baltic Province in the 1860s]. In *Rossiya i Baltiya*. Iss. 4. Chelovek v istorii. Moscow, Nauka, pp. 16–28.

Musaev, V. I. (2009). *Estonskaya diaspora na severo-zapade Rossii vo vtoroi polovine XIX – pervoy polovine XX v.* [The Estonian Diaspora in Northwestern Russia in the Second Half of the 19th and First Half of the 20th Centuries]. St Petersburg, Nestor. 212 p.

Musaev, V. I. (2022). *Inokfessional'nye khristianskie obshchiny na Severo-Zapade Rossii v 1900–1930-e gg.* [Alternative Confessional Christian Parishes in Northwest Russia in 1900–1930] St Petersburg, Politekh-press. 524 p.

Pöldvee, A. (2012). Wenneküllä Hans and Estonian Church Language. In *Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri*. No. 3 (3–1), pp. 259–278 DOI 10.12697/jeful.2012.3.1.13.

Saagpakk, M. (2015). Sprache steht zur Debatte – Diskussionen um die Zukunft der estnischen Sprache um die Mitte des 19. Jahrhunderts. In Sommerlat, A. (Hrsg.). *Das Baltikum als gelehrtes und literarisches Konstrukt: von einer Kolonialwahrnehmung zu einem nationalen Diskurs (18.–19. Jahrhundert)*. Würzburg, Königshausen und Neumann, S. 97–113.

Shkarovskiy, M. V. (2017). *Russkaya i Bolgarskaya Pravoslavnye Tserkvi v pervoi polovine XX veka (istoriya vzaimootnoshenii)* [Russian and Bulgarian Orthodox Churches in the First Half of the 20th Century (History of Relations)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii. 248 p.

Shkarovskiy, M. V. (2018). Estonskie pravoslavnye prikhody v Sankt-Peterburgskoi eparkhii [Estonian Orthodox Parishes in the St Petersburg Diocese]. In *Pravoslavie v Baltii*. No. 7 (16), pp. 57–72.

Siitan, T. (2010). Der deutschbaltische und der estnische Kulturraum im Estland und Livland der zweiten Hälfte der 19. Jahrhunderts: Gesangsvereine und Identitätsbildung. In Siitan, T., Pappel, K., Sõõro, A. (Hrsg.). *Musikleben des 19. Jahrhunderts im nördlichen Europa: Strukturen und Prozesse*. Hildesheim, Zürich, N. Y., Georg Olms Verlag, S. 13–35.

Svyashchennomuchenik Platon episkop Revel'skii. Vsyazhizn' i odin god v 2 kn. [Martyr Platon, Bishop of Revel. All Life and One Year. 2 Books]. (2023). Tallinn, Pravoslavnoe izdatel'skoe obshchestvo svyashchennomuchenika Isidora Yur'evskogo. Vol. 1. Nash Kul'bush. 607 p.

Tarasov, M. A. (2019). “Finansirovanie missionerstva v rukakh obshchestvennosti”. *Pochemu Svyateishii Sinod peredal Pravoslavnomu Missionerskomu Obshchestvu svoi obyazannosti?* [“Financing Missionary Work Is in the Hands of the Public”. Why Did the Holy Synod Transfer Its Responsibilities to the Orthodox Missionary Society?]. In *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*. No. 1, pp. 186–189.

Troinitskii, N. A. (Ed.) (1897–1905). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. v 89 t., v 119 kn.* [First General Census of the Russian Empire in 1897. 89 Vols., 119 Books]. St Petersburg, Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. Iss. 37a. Gorod S.-Peterburg. Tetrad' 2 i poslednyaya. XXXII, 261, [4] p. Iss. 37b. S.-Peterburgskaya guberniya. [4], XX, 265 p. Iss. 49. Estlyandskaya guberniya. XVIII, 125 p.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive in St Petersburg]. Stock 19. List 92. Dos. 13; List 93. Dos. 7, 9; List 95. Dos. 31; List 102. Dos. 36; List 103. Dos. 74; List 115. Dos. 936; List 120. Dos. 619.

Tsy-pin, V., archpriest. (2006). Diaspora [Diaspora]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 14, pp. 626–628.

The article was submitted on 11.09.2023